

Натиг Расулзаде

**Вернулись с кладбища
усталые**

Натиг Расулзаде

Вернулись с кладбища усталые

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Вернулись с кладбища усталые / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

«Вернулись с кладбища усталые, продрогшие, промокшие под мелким назойливым колючим дождиком, от которого некуда было спрятаться, сердитые на молодого моллу слишком медленно и старательно читавшего заупокойные молитвы, и Самеду было нестерпимо стыдно, когда выяснилось, что поминальный плов еще не привезли из ресторана и пришлось долго пить чай, пока огромные кастрюли не доставили и наспех сваренный рис не разложили по блюдам. Он рассеянным взглядом обводил людей, рассеявшихся вокруг стола, плохо понимая вопросы, обращенные к нему, невежливо уклоняясь от ответов, отделяваясь кивком или хмыканием. Болела голова, он чувствовал себя опустошенным и все что происходило вокруг воспринимал, как некую лишенную смысла, абсурдную инсценировку некогда хорошо начатой пьесы. Он не поднялся из-за стола даже когда гости стали расходиться с трехдневных поминок, подходя к нему и выражая соболезнования...»

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Натиг Расулзаде

Вернулись с кладбища усталые

Рассказ

Вернулись с кладбища усталые, продрогшие, промокшие под мелким назойливым колючим дождиком, от которого некуда было спрятаться, сердитые на молодого моллу слишком медленно и старательно читавшего заупокойные молитвы, и Самеду было нестерпимо стыдно, когда выяснилось, что поминальный плов еще не привезли из ресторана и пришлось долго пить чай, пока огромные кастрюли не доставили и наспех сваренный рис не разложили по блюдам. Он рассеянным взглядом обводил людей, рассеявшихся вокруг стола, плохо понимая вопросы, обращенные к нему, невежливо уклоняясь от ответов, отделяясь кивком или хмыканием. Болела голова, он чувствовал себя опустошенным и все что происходило вокруг воспринимал, как некую лишнюю смысла, абсурдную инсценировку некогда хорошо начатой пьесы. Он не поднялся из-за стола даже когда гости стали расходиться с трехдневных поминок, подходя к нему и выражая соболезнования...

С женой он прожил около двадцати лет, если точно без каких-то месяцев двадцать. Без каких?.. Он стал подсчитывать, вспоминать, когда они впервые встретились, когда поженились, и вспомнил, конечно – девятнадцать лет и четыре месяца, разве такое забудешь? Просто никогда не приходилось уточнять и он помнил, что двадцать. А вспомнив точную дату, стал по инерции вспоминать и все остальное, все еще сидя за столом, безвольно уронив плечи. Женщины, родственницы, убиравшие посуду на кухне после поминок, время от времени заглядывали в комнату, где он сидел неподвижно, будто заснул, перешептывались, советуясь: не подойти ли, не помочь ему лечь в постель, ведь нужно отдохнуть, столько намаялся за последние дни, за последние месяцы её болезни? Но поглядев на его неподвижную фигуру, молча отходили, тихо переговаривались, тихо мыли посуду, стараясь не шуметь, не звенеть тарелками и ложками.

Он вспомнил её совсем молодую, теперь, когда её не стало, будто что-то сорвалось в его памяти и вспоминать её сделалось легче, потому что за время её тяжелой изнурительной болезни даже в голову ему не приходило вспоминать её и своё прошлое, вот оно, их прошлое, лежит в постели с запавшими глазами, в которых медленно день изо дня угасала надежда. Вдруг он почувствовал, что плачет, слеза капнула и скатилась по тыльной стороне ладони. Он обвел мутным взглядом опустевшую комнату, чистый стол, скатерть и посуда с которого была давно уже убрана бесшумно шмыгавшими взад-вперед женщинами, посмотрел на большой портрет жены на стене над телевизором, накрытым белой простыней: давнишняя фотография, она в отличие от многих женщин даже в молодости не очень любила фотографироваться, и вот после неё теперь остались считанные фотографии и одна из них вот эта, где ей немного за тридцать... Он внимательнее посмотрел на фото, нет, тридцать пять, пожалуй... Они не были слишком близки в последние годы, скандалили, ругались, она много ворчала, что бесило его и он уходил из дома к любовнице, и она знала, куда он идет, и знала последнюю его женщину, но прямо ему ничего не говорила, воспитанная в ханжеской семье, где не принято говорить прямо, а подходить к сути дела окольными путями, она просто придиралась к разным мелочам и постепенно доводила до грандиозного скандала, когда ему хотелось буквально придушить её. Он, трясаясь от злости, выбегал из дома, некоторое время торопливо, будто за ним гонялись, шагал по близлежащим улицам, стремясь успокоиться и перейти на размеренный шаг, чтобы не пришлось ничего придумывать, если встретит знакомых, которых у него в этом квартале и в этом их районе было множество: куда спешить в такое время? А, так, дело... В пол двенадцатого ночи? А так – просто гуляю, вышел пройтись медленным

шагом... Чего и вам желаю... Что бы вам сидеть дома, не встречаться мне в таком состоянии? Мелькала мысль о любовнице, но он прислушивался к себе, к своим желаниям, к своему телу, и понимал, что сейчас она его, издерганного, изнервничавшегося не очень интересуется, но все же отправлялся, хоть и не очень. А утром от неё шел на работу, плевать на жену... Детей у них не было, и, выждав первые восемь лет супружества, они, не желая разводиться по этой причине и уже привыкнув друг к другу, решили взять ребенка из приюта, взяли полугодовалого малыша, она сразу же привязалась к нему и могла часами рассказывать о его смысленности, о его жестах, глазах, улыбке, как он тянется к ней, не желая сходить с рук, носилась с ним по целым дням, временно уйдя с работы, а в десять лет мальчик умер от менингита. Видно не судьба нам иметь ребенка, – сказал он тогда, успокаивая её. Пришлось, однако, поводить с ней чуть ли не целый год, выводить её из депрессии, водить по психиатрам. Вернее – психиатров водить к ней, потому что вытаскивать её из дома было просто невозможно. Ну, постепенно, пришла в себя, вошла в колею, вернулась на работу, которую снова пришлось покинуть на время болезни. Он убрал все фотографии мальчика, к которому тоже конечно, привык как к родному сыну. Но он был крепче жены, и постигшее их горе снес по-мужски. Но однажды, придя в себя после глубокой замкнутости и не обнаружив ни одной фотографии на своих обычных местах, она вдруг страшно завывала, так что, он, перепуганный прибежал из кабинета на этот нечеловеческий вой. Она лежала на полу и билась в истерике. Пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить и узнать причину, хотел, как лучше, чтобы не замечала, не терзалась, не вспоминала. Пришлось все вернуть, как было. И самому тоже стало тяжело, как будто мальчик умер снова, умер вторично. Но когда она уже окончательно со временем пришла в себя, они стали более близки, будто вдруг осознали пронзительно, что никого по-настоящему близкого у них нет на этом свете, кроме них самих, каждую ночь он любил её, и она неистово страстно отдавалась ему, позабыв стыд, некогда сковывавший готовую бурно разлиться любовь, всячески поощряя его, чего никогда до тех пор не было, никогда со дня их свадьбы. Потому что ложная скромность и скованность в постели, которые в её понимании были признаками порядочности, мешали ей полностью получать удовольствие от близости с любимым человеком. Он старался её переубедить, чтобы она поняла, как многое теряет, сама себе устанавливая эту никому не нужную цензуру в поведение, но она была неуклонна, глупо упряма. И вот теперь... Он понимал её состояние, и был рад, что их по настоящему вернувшаяся любовь помогает ей начать жить нормально, выйти из депрессии, от которой он немало натерпелся, когда она подолгу, как сумасшедшая молчала, не реагируя на его слова, не хотела есть и пить, приходилось заставлять, лежала сутками неподвижно, смазывали тело, чтобы не было пролежней... Однажды, неизвестно как собравшись с силами – еле держалась на ногах – она полезла в петлю: достала из шкафа его ремень... заснувшей от усталости сиделке, неопытной деревенской девушке еле удалось снять её, она в панике позвонила Самеду на работу как раз посреди важного совещания, он примчался... вспоминать не хочется.

Они оба работали в нефтяной компании, точнее – он, занимавший в компании ключевую позицию, устроил её, свою жену, и она тоже стала неплохо зарабатывать, но после смерти приемного сына, она уже не знала, куда можно тратить деньги – как это глупо, когда есть деньги, а купить ничего не хочется, ничего не нужно.

Бурная любовь принесла собой столь же бурную до дикости, до безобразия свою противоположность: она стала безумно, именно безумно, беспричинно ревновать его – к соседкам, к случайным прохожим девушкам, если замечала, что они мимолетно посмотрели на него, к продавщице в магазине, куда он часто заходил за продуктами для дома, к новой молодой уборщице на работе. В то время у него и в мыслях не было заводить какие-то любовные связи на стороне, она вполне его устраивала, и кроме того, работа была не из легких, требовала постоянного напряжения, решения ежедневных проблем, новых идей. Её беспочвенные подозрения, которые она не высказывала прямо, но мелочами подводила к изнурительным скандалам,

стали раздражать и нервировать его, поначалу он думал, что это отголоски вроде бы прошедшей депрессии, не мог понять, но намеки, далекие, размытые намеки, в конце концов, навели его на верную мысль. Кстати, в это же время сошла на нет охватившая её временно необузданная, неуправляемая страсть. Она, сама придумавшая фантастически нелепую причину, стала холодна с ним, стала отдаляться, и вполне логично, что натолкнула его тем самым на желание завести любовницу, которых с тех пор он стал часто менять, потому что по-настоящему его все-таки тянуло к жене. Приходилось пройти и это препятствие в их совместной жизни, тяжелое для него препятствие, потому что было несправедливо, это угнетало и было тяжело еще и потому, что он никому не мог пожаловаться: её мать так некстати недавно умерла, единственный человек, который мог бы что-то ей внушить, может даже переубедить.

Он лежал одетый – как был за столом – с широко открытыми глазами на их общей с женой постели, прикрытый без нужды чьей-то заботливой женской рукой одеялом, уставившись в потолок, чувствовал давящую тяжесть в груди, слышал, как пошел дождь за окном, не сразу поняв, что это шум бьющих в стекло капель. Теперь все хлопоты на поминках и до, его суета и нервотрепка по поводу запаздывания с доставкой поминального обеда, вчерашние переговоры на кладбище о месте захоронения и цене, бесконечные звонки родственников, на которые приходилось отвечать одно и то же, одно и то же, заказ автобусов, что должны были повезти и привезти желавших поехать на кладбище и все остальное, мелкое, суетливое, что временно отвлекало его от мыслей об умершей, и, казалось, было давно, много лет назад, а не всего два дня, все это ушло далеко назад, оставив его одного с его утратой. И он не мог ни о чем думать, хотел сосредоточиться на чем-нибудь и не мог, незаметно уснул, напряжение последних дней навалилось, утатило его в сон без сновидений, и он проспал одиннадцать часов, а когда проснулся ему показалось, что он вовсе не спал и в соседней комнате все еще сидят гости, и поминки продолжаются с пустыми разговорами, не имеющими к нему никакого отношения.

Он лежал неподвижно, прикрыв глаза, вспоминая, что впервые за много месяцев ему ничего не снилось, он попросту провалился в черную дыру сна, и тут послышались знакомые шаги, идущие из кухни сюда, в сторону спальни...

Он приподнялся в постели, глядя на проем распахнутой двери в ожидание, и тут... на пол возле двери упала тень и сразу же в проеме показалась знакомая фигура, закутанная во что-то белое... саван, что ли... Он без всякого страха, с любопытством наблюдал за ней, уже вошедшей в спальню и приближавшейся к нему на кровати.

– Амина, – полувопросительно, полу утвердительно произнес он.

Она приблизилась, молча освободилась от савана, осталась голой.

– Что ты? – спросил он. – Ты ведь умерла.

– Моя душа бессмертна, – проговорила она тихо, так что, он должен был напрячь слух, чтобы услышать.

– Да, – равнодушно покивал он, – знаю, читал, много раз слышал от вроде бы умных людей. Это что же, следствие того, что ты стала верующей во время болезни? Или не имеет отношения?

– Не говори в таком тоне, – сказала она. – Ты кощунствуешь. Надо верить.

– Да, наверное, ты права, но верить надо всегда, а не ударяться в религию только, когда тебе плохо, я так понимаю. А почему ты здесь? Разве только твоя душа бессмертна? Все умирают, и лежат себе потихоньку, никого не беспокоят.

– Я хотела тебе сказать, что там я видела нашего мальчика.

Он помолчал.

– Тебе это все равно? – спросила она. – Ничего не скажешь?

– Что мне сказать? – он развел руками, потом внимательно посмотрел на неё, она выглядела как до болезни. – Одно могу сказать: ты значительно поглупела после смерти.

– Я больше не буду приходить, – сказала она.

– Хорошо, – сказал он. – Главное не вздумай явиться на свои поминки по четвергам, перепугаешь всех до смерти.

– Ты такой же, Самед... – произнесла она и не договорила, исчезла.

Он еще некоторое время полежал в постели, чувствуя, что многодневная усталость еще не покинула его тело – ныли ноги, болели ребра и плечи, будто он долго таскал тяжести, вспомнил, что понедельник, что надо бы поехать на работу, хотя все его сослуживцы и начальство вчера были на похоронах и никто из них не ждет, что он в такой день явится и будет заниматься текущими делами компании, но оставаться дома сейчас было невмоготу. К её появлению он отнесся как к сновидению, изуродованному механизму реальности, в которую временно вторглась мистика, хотя она, Амина в те минуты стояла перед ним как живая, вполне живая, какой он давно её не видел. Необычно было ощущать в этой квартире свое одиночество, в квартире, что она долгие годы заполняла собой, потом своей депрессией, своей болезнью. Честно говоря, за долгие месяцы её болезни он успел возненавидеть её, она стала чудовищно капризной, и мало кто из сиделок выдерживал больше двух суток, и приходилось искать новых, платить вдвойне, втройне, только бы не уходили, чтобы он мог более или менее спокойно чувствовать себя на работе, не отвлекаться... он чуть не подумал – «по пустякам»... усмехнулся, приподнялся на постели, опустил голые ноги, не глядя вниз, искал ими тапочки, пошел в ванную умываться, увидел на полке под зеркалом в ванной комнате её зубную щетку в стаканчике, вытащил, уронил в мусорное ведро, умылся, побрился, в голове зазвенел пошлый мотивчик, под который он и закончил свой туалет.

Он вышел пройтись, мысль о работе прошла как-то сама собой, не хотелось сейчас быть в центре внимания, а если б отправился – это было бы неизбежно. Рядом с домом был уютный зеленый скверик, он направился туда. После ночного дождя воздух был свеж, дворничиха вытирала скамейки подозрительной тряпкой, он не стал привередничать, уселся на одну вытертую, закурил, огляделся. В углу сквера собрались тихие доминошники, деловито перекидываясь дельными замечаниями о ходе игры, малыш на трехколесном велосипеде ездил задним ходом, пока не уперся в скамейку, которую как раз приводили в благообразный вид, был окликнут и осторожно передвинут вместе с велосипедом, памятник почившему много лет назад писателю был чисто вымыт дождем, так что не наблюдалось обычных следов птичьих испражнений на его чугунной голове, две девушки студенческого вида, уткнувшись в свои телефоны, активно жевали и поглощали, одновременно делясь впечатлениями об Интернетских новостях, хорошо пахли кусты за спиной, за скамейкой. Мимо прошла девушка, прошла раз, прошла другой, приблизилась и робко уселась на краешек той же скамейки, на которой сидел Самед. Когда она ходила мимо взад-вперед, он исподлобья наблюдал за ней, наклонив голову и видел её ноги в дешевой грубой обуви, и подумал машинально, что Амина никогда не носила такой. А когда девушка присела, он поднял голову и посмотрел на неё и ничего примечательного не увидел – девушка, как девушка, лет двадцати пяти – двадцати семи, со следами нелегкой жизни на усталом лице, в потрепанном, но чистом плаще, который был в моде лет пять назад, маленькая сумочка на длинном через плечо ремешке. Она, заметив, что он довольно бесцеремонно разглядывает её, смутилась и, заикаясь сказала:

– Дядя, извините, вы не могли бы мне дать на метро, мне ехать надо, а денег... Вы не подумайте, я здесь подругу ждала, она обещала придти, принести мне денег, она мне должна, но почему-то не пришла...

Самед вытащил из кармана и не глядя, молча протянул ей купюру.

Она удивленно посмотрела на деньги в его протянутой руке.

– Ой, что вы, это много, мне только на метро, вы не думайте, я не нищенка и не беженка, я городская, здесь родилась...

Тогда он взглянул на деньги в своей руке – да, на самом деле – многовато, но её слова удивили его.

– Пойдем, – сказал он, поднимаясь со скамейки. – Я угощу тебя пловом. Со вчерашних поминок остался.

– Ой, что вы!.. – машинально стала возражать она, но не договорила, тут же встала и послушно пошла следом за ним. Видимо солидный вид Самеда не давал повода тревожиться и беспокоиться о том, что её обманут, обещание плова взбодрило её, жизнь на миг представилась в ярчайших, жизнеутверждающих тонах, есть ей хотелось, какой бы городской она ни была.

Они вышли из сквера под прицельными дальними взглядами встрепенувшихся пенсионеров-доминошников.

Он смотрел, как она ела, с аппетитом, не жадно, аккуратно, даже красиво, чем-то отдаленно напоминая, как ела Амина, задумчиво глядел на нее, закурил и вдруг неожиданно для себя самого спросил:

– Тебе не интересно, чьи поминки были?

Она странно посмотрела на него, не отвечая, и сейчас в какой-то миг точно напомнила ему покойную жену в период депрессии, когда она не отвечала на его вопросы, а он тихо бесился, сходил с ума, и хотелось придушить её, ненормальную.

– Ты что молчишь? – несколько раздраженно спросил он.

– Можно мне принять душ? – спросила она.

– Принять... что?

Он за жизнь привыкший ко всяким неожиданностям особенно со стороны женщин, которых повидал-перевидал, все же опешил.

Она усмехнулась и, не отвечая, поднялась из-за стола и пошла в ванную, заперлась и почти тут же послышался шум льющейся воды. Он задумался, вспоминая... Теперь даже отдельные её жесты, взгляды, то, как она проводила кончиком языка по верхней губе, сглотив во время еды, как дотрагивалась мизинцем до кончика носа, словно проверяя – на месте ли, все это напоминало ему Амину. И когда она вышла из ванной, всеми повадками и походкой все больше напоминая покойную жену, и они оба вполне естественно оказались в постели, она совсем уж неожиданно напомнила ему самые страстные и жаркие ночи с женой, и было все точь в точь, как тогда, одно к одному как тогда, в точности до мельчайших подробностей, когда проснулась в Амине умопомрачительная и фантастическая любовная страсть и неизвестно откуда взявшийся сексуальный опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.